

Короткий рассказ

НАСТРОЕНИЕ ЖИТЬ

Геннадий
Колодкин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Колодкин

Настроение жить

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Настроение жить / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Мир – это клетка. Трехмерная, тесная, с невидимыми прутьями физических законов, которые не дают тебе выйти за пределы привычного «вверх-вниз», «влево-вправо», «вперед-назад». Элиас знал это с самого детства. Он чувствовал это кожей, когда смотрел на закат: солнце казалось плоским диском, приклеенным к куполу неба, а горизонт — линией, которую невозможно перешагнуть, как бы быстро ты ни бежал.— Мы живем в аквариуме, — говорил его дед, потирая узловатыми пальцами свои старые чертежи. — Мы — плоские тени, которые вообразили, что они объемные. Иллюстрации сделаны нейросетью.

© Колодкин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Колодкин

Настроение жить

Настроение жить¹

НАСТРОЕНИЕ ЖИТЬ

Короткий рассказ

Геннадий Колодкин

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА В СТЕПЯХ УКРАИНЫ

Пролог

Старый Опанас никогда не видел моря. Он родился в степи, вырос в степи и собирался умереть в степи, под бескрайним синим небом, которое так похоже на море, только перевернутое. Всю свою жизнь он пас овец, слушал, как ветер поет в ковыле, и знал каждую балку, каждый курган в окрестностях своего села. Но однажды утром, выйдя на крыльцо своей хаты-мазанки, он увидел то, что заставило его усомниться в собственном рассудке.

Там, где вчера колосилась пшеница, посреди золотого поля, лежала она. Огромная, черная, хищная, как спящий кит, выброшенный на берег неведомым штормом. Подводная лодка.

Глава 1: Незванный гость

Новость разнеслась по селу быстрее степного пожара. Сначала никто не верил. Думали, Опанас перегрелся на солнце или выпил лишнего. Но когда к полю потянулись первые смельчаки, их сомнения сменились ошеломленным молчанием.

Лодка была настоящей. Изъеденная ржавчиной в одних местах, но все еще сохранившая грозную мощь в других. На ее рубке виднелись странные, выплывшие символы, а по всему корпусу шли ряды заклепок, похожих на шрамы. Она лежала с небольшим креном, глубоко вспахав чернозем своей многотонной тушей. Вокруг не было ни следа – ни огромной ямы, ни волока, ни признаков того, как она сюда попала. Она просто была.

Председатель колхоза, Степан Петрович, человек практичный и приземленный, долго ходил вокруг стального чудища, цокая языком.

— Ну и дела... — бормотал он. — Это ж сколько металлолома! На три трактора хватит.

Но для большинства селян лодка была не просто грудой металла. Она была чудом, знамением, чем-то из другого мира. Детишки, забыв про страх, с восторгом лазали по ее гладкому, теплему от солнца боку. Бабы шептались, что это кара небесная или, наоборот, божий дар. Мужики, собравшись в кружок, строили самые невероятные теории: от секретного военного эксперимента до проделок инопланетян.

Молодой тракторист Тарас, парень с мечтательными глазами и руками в мазуте, был очарован. Он часами просиживал у подножия лодки, прикасаясь к холодной стали. Он представлял себе глубины, которые она бороздила, соленые штормы, которые она выдерживала, и безмолвный

бороздила, соленые штормы, которые она выдерживала, и безмолвный
Настроение жить¹

мир, скрытый под толщей воды. Для него, никогда не покидавшего своей
степи, эта лодка была порталом в другую реальность.

Глава 2: Голос из глубины

Прошла неделя. Лодка стала местной достопримечательностью. К
ней приезжали из соседних сел, фотографировались, стучали по корпусу, пытаясь услы-
шать эхо. Степан Петрович уже договаривался с райцентром
о кране, чтобы распилить «подарок судьбы» на металл.

Но однажды ночью Тарасу не спалось. Луна заливала степь
серебром, и черный силуэт лодки казался особенно таинственным.

Поддавшись внезапному порыву, он подошел к ней. В оглушительной
тишине степной ночи он вдруг услышал звук. Тихий, едва различимый
скрежет, доносившийся изнутри. А потом – слабый, прерывистый стук.
Сигнал SOS.

Сердце Тараса заколотилось. Там кто-то есть. Живой.

Он бросился в село, поднял на ноги мужиков. Сначала ему не

2

Он бросился в село, поднял на ноги мужиков. Сначала ему Н
н а

е строение жить¹

поверили, но настойчивость парня сделала свое дело. Вооружившись
ломами и кувалдами, они вернулись к лодке. Приложив ухо к корпусу, они тоже услы-
шали. Стук был отчаянным и слабым.

Работа закипела. Они пытались вскрыть люк на рубке, но тот был
задраен намертво. Часы шли, а стук становился все реже и слабее.

Отчаяние охватило людей. Они, жители суши, стояли перед стальной
гробницей, не в силах помочь тому, кто был заперт внутри.

И тогда старый Опанас, который все это время молча наблюдал, подошел к лодке. Он не
пытался ломать люк. Он просто приложил к

металлу свою морщинистую ладонь и заговорил. Тихо, напевно, как он
говорил со своими овцами или с землей перед посевом. Он говорил о
степи, о запахе полыни, о крике ястреба в небе, о том, как солнце встает
над горизонтом, заливая мир золотом. Он говорил о жизни, которая была
здесь, снаружи.

И случилось невероятное. Скрежет внутри усилился, и с
оглушительным стоном, поддаваясь последнему усилию невидимой руки, верхний люк
приоткрылся на пару сантиметров.

Глава 3: Капитан

Когда люк наконец откинули, из темного нутра лодки пахнуло
спертым воздухом, запахом машинного масла и соленой воды. На свет
выбрался человек. Он был худ, бледен, с ввалившимися глазами, в
которых плескалось безумие и безмерная усталость. На нем был
истлевший китель капитана, но какой страны и какого времени, понять
было невозможно.

Он ослепленно зажмурился от солнечного света, сделал несколько
шагов по палубе и рухнул на колени, зарываясь пальцами в сухую, пыльную землю укра-
инского поля. Он плакал – беззвучно, сотрясаясь
всем телом.

Его звали Антон. Он был последним из экипажа. Он не знал, какой сейчас год и как он здесь очутился. Последнее, что он помнил – это приказ на экстренное погружение где-то в Северной Атлантике, рев глубинных бомб, отказ систем и темнота. Бесконечная, давящая темнота и тишина океанского дна. Он не знал, сколько он пробыл там – дни, годы, десятилетия? Время для него остановилось, превратившись в медленное угасание в стальном гробу.

А потом, как он рассказал позже, его лодка вдруг тронулась. Не по воде, а сквозь что-то иное. Сквозь саму ткань пространства и времени. Она не плыла, а скользила через сны и воспоминания, пока не остановилась, выброшенная на берег этого странного, пахнущего чабрецом и солнцем океана.

Эпилог

Лодку не распилили. Она так и осталась стоять посреди поля, став его неотъемлемой частью. Дети называли ее «Ковчегом». Вокруг нее

его неотъемлемой частью. Дети называли ее «Ковчегом». Вокруг нее

Настроение жить¹

продолжала колоситься пшеница, а в ее тени пастухи прятались от полуденного зноя. Она больше не была чужой. Она выросла в эту землю, как старый курган. Капитан Антон остался в селе. Он долго привыкал к свету, к открытым пространствам, к тишине, в которой не было давления водяной толщи. Старый Опанас научил его отличать голоса степных птиц, а Тарас показал, как управлять трактором. Иногда по ночам Антон приходил к своей лодке, клал ладонь на ее холодный бок и долго стоял молча, прощаясь со своим прошлым и с теми, кто навсегда остался в глубине.

500 РУБЛЕЙ

Старый гробовщик Аркадий поправил очки и посмотрел на клиента поверх бумаг. Клиент, мужчина средних лет в помятом пиджаке, нервно теребил край стола.

— Пятьсот рублей, — повторил Аркадий, постукивая пальцем по прайс-листу. — Это цена за костюм. Ткань — чистая синтетика, «вечная», как говорят в народе. Не мнется, не горит, не выцветает. Идеально для того, чтобы лежать неподвижно.

— Пятьсот рублей, — эхом отозвался клиент. — А если... ну, если в этом костюме его и похоронить? Сколько это будет стоить?

Аркадий медленно откинулся на спинку стула. В конторе пахло лакированным деревом и сухими цветами. Он не удивился вопросу. Люди часто спрашивали странные вещи, когда сталкивались с неизбежным.

— Видите ли, — начал он, понизив голос до доверительного шепота, — похороны — это не только костюм. Это математика тишины.

Он взял чистый лист бумаги и начал выводить цифры.

— Костюм — пятьсот. Но мужчина в костюме — это уже не просто одежда. Это «комплектация». Чтобы мужчина выглядел в этом костюме достойно, нам понадобится рубашка. Еще сто пятьдесят. Галстук — пятьдесят. Ботинки, которые не жмут, даже если он больше никогда не сделает ни шагу — триста.

Клиент сглотнул.

— Итого — тысяча. Но это только «внешний вид». А дальше

начинается
самое
интересное.

Гроб.

Подушка.

Покрывало.

Транспортировка. Место на кладбище, которое сейчас стоит дороже, чем квартира в центре города.

Аркадий обвел цифру «500» жирным кругом.

— Знаете, в чем ирония? — спросил он, глядя прямо в глаза посетителю. — Костюм за пятьсот рублей — это единственная вещь, которая не потеряет в цене, когда он окажется в земле. Все остальное —

дерево, обивка, цветы — превратится в прах. А костюм останется. Он будет сидеть на нем так же безупречно через десять, двадцать, пятьдесят лет.

— Так сколько? — голос клиента дрогнул. — Итоговая сумма?

Аркадий отложил ручку и посмотрел в окно, где серый дождь

4

Аркадий отложил ручку и посмотрел в окно, где серый дождь
Настроение жить¹

методично смывал пыль с надгробий.

— Если вы спрашиваете, сколько стоит похоронить мужчину в костюме за пятьсот рублей, я отвечу так: это стоит ровно столько, сколько вы готовы заплатить за то, чтобы он выглядел так, будто просто прилег отдохнуть после долгого рабочего дня.

Он помолчал, а потом добавил:

— Но если честно, мой друг, цена не имеет значения. Потому что в тот момент, когда вы застегнете последнюю пуговицу на этом дешевом пиджаке, вы поймете: это не костюм стоит пятьсот рублей. Это жизнь, которая в нем была, стоила гораздо больше. А костюм... костюм — это просто финальный аккорд.

Клиент молчал. В кабинете стало совсем тихо.

— Давайте оформим, — наконец сказал он, выкладывая на стол пачку купюр. — Только... выберите тот, что потемнее. Чтобы не так бросалось в глаза, что он из синтетики.

5

Настроение жить¹

Аркадий кивнул, принимая деньги. Он знал: через неделю этот костюм станет частью вечности, и никто, абсолютно никто, не спросит, сколько он стоил.

В мире тишины цены не имеют значения.

ДУБ-ДУБОМ

Старый «Горизонт» в углу гостиной жалобно пищал, как раненый сверчок, и показывал исключительно «снег» с редкими всполохами помех.

— Ну, сейчас мы тебя вылечим, — пробормотал дядя Толя, с грохотом вываливая на ковер содержимое ящика с инструментами.

Он был «дуб-дубом» в электронике. Его познания ограничивались умением вкрутить лампочку и забить гвоздь, но сегодня в нем проснулся дух инженера-исследователя. Рядом на диване сидел я, с опаской наблюдая, как Толя срывает заднюю крышку телевизора.

— Полез в телевизор, а сам дуб-дубом, — прокомментировал я, потягивая пиво. — Ты хоть вилку из розетки выдернул?

— Не учи отца икру метать! — отрезал Толя, ковыряясь отверткой в недрах кинескопа. — Особенно хорошо ремонтировать, когда вообще не соображаешь: лишние детали не мешают, потому что ты даже не знаешь, что они лишние. Он ткнул отверткой в какой-то массивный конденсатор. Раздался короткий, сухой треск, и по комнате поплыл запах озона и паленой изоляции. Толя дернулся, как от удара током, но устоял.

— Ты чего? — напрягся я.

— Да так, — он вытер пот со лба, оставив на лице черную полосу от сажи. — Почудилось. Слушай, а тут точно 220?

— Ну, в розетке 220.

— Э-э, нет, — Толя философски посмотрел на свои дрожащие

пальцы. — 220 убивает хуже, чем 380. 380 — это как удар кувалдой: бахнул, и ты в отключке, а 220 — это как змея. Она тебя кусает, держит, не отпускает, пока сердце не решит, что с него хватит.

— Ты где этого набрался? — спросил я, чувствуя, как волосы на затылке начинают шевелиться.

— В гаражах мужики рассказывали, — авторитетно заявил он и снова полез внутрь, на этот раз решив подкрутить что-то плоскогубцами.

— 380 — это вообще отдельная песня. 380 хуево с непривычки... Да и с привычкой тоже хуево. Это как если бы тебя одновременно ударило током и переехало поездом.

В этот момент телевизор издал звук, похожий на предсмертный хрип, и из него вырвался сноп искр, осветивший комнату ярче, чем люстра.

Толю отбросило на диван. В воздухе запахло палеными волосами и чем-то совсем нехорошим.

— Живой? — спросил я, не вставая с кресла.

Толя лежал, глядя в потолок, и его правая рука ритмично подергивалась.

6

Настроение жить¹

— Живой, — прохрипел он. — Но, кажется, я теперь знаю, как работает кинескоп.

— И как?

— Через жопу, — ответил он, пытаясь сесть. — И, кажется, я только что починил его окончательно.

Телевизор в углу тихонько дымился, окончательно перейдя в состояние «кирпич».

— Зато, — добавил Толя, глядя на свои обугленные плоскогубцы, — теперь мы точно знаем, что 220 — это не шутки. А 380 я проверять не буду. Даже если очень попросишь.

НИЖНИЙ ЧИР

Солнце над Нижним Чиром стояло в зените, припекало так, что даже кузнечики в пожухлой траве притихли. Я сидел на пригорке, лениво помахивая хворостиной, а мой мерин, старый Буян, мирно щипал осоку у самой кромки воды. Река здесь была тихая, омуты глубокие, заросшие

7

самой кромки воды. Река здесь была тихая, омуты глубокие, заросшие и а

е строение жить¹

кувшинками — самое место для всякой нечисти и крупной рыбы.

Я решил подойти к воде, чтобы умыться. Сделал шаг, другой, и вдруг земля под правой ногой предательски ухнула. Я провалился по колено в какую-то нору, скрытую густым илом и корнями ивы.

И тут началось.

Вместо мягкого ила я почувствовал нечто холодное, скользкое и невероятно сильное. Что-то сжало мою лодыжку, как стальными тисками.

Я дернулся, но меня потянуло вниз, в черную глубину ямы. Сердце ушло в пятки: сом! Да какой! Огромный, голодный, он, видимо, засел в этой норе, поджидая добычу покрупнее лягушки.

— Ах ты, гад! — взревел я, чувствуя, как меня неумолимо затягивает в мутную воду.

Я понял: если уйду под воду, не выберусь. В панике я выбросил руку вперед и намертво вцепился в гриву Буяна, который как раз подошел попить. Конь, почувствовав рывок, испугался, всхрапнул и рванул с места, как ужаленный.

Раздался чавкающий звук, будто кто-то выдернул огромную пробку из бутылки. Буян тянул меня, я тянул сома, а сом, не желая отпускать свою добычу, вцепился в мою ногу так, что зубы, как иглы, вошли в сапог.

Мы вылетели на берег, как снаряд. Я рухнул в траву, а следом за мной, извиваясь и хлопая мощным хвостом, на сушу вывалился он.

Огромный, черный, с усами, как у старого казака, и глазами, полными первобытной ярости.

8

Настроение жить¹

Я вскочил, схватил увесистую корягу, что валялась неподалеку, и —
будь что будет — огрел его по голове. Сом обмяк.

Я стоял, тяжело дыша, и смотрел на это чудовище. Он был длинный, как бревно, и тяжелый, как мешок с зерном. Когда я взвалил его на плечо, чтобы дотащить до телеги, хвост его волочился по земле, оставляя

глубокую борозду в пыли.

Дома, когда мы его взвесили на безмене, стрелка замерла на отметке

32 килограмма. Я присмотрелся, поправил очки, прищурился:

— Нет, — сказал я жене, которая с ужасом смотрела на рыбину. — 32 килограмма и 800 граммов. Ни граммом меньше.

Вечером, когда уха уже булькала в котле, я сидел на крыльце и потирал ногу, на которой остались глубокие следы от зубов. Сом был голоден, это точно. На коня он побоялся пасть разевать — почуял, что тот не по зубам, — а вот меня решил прибрать к рукам. Да только не на того напал.

Нижний Чир — река суровая. Тут либо ты, либо тебя. В тот день я

9

Нижний Чир — река суровая. Тут либо ты, либо тебя. В тот ден Н
ь а

я строение жить
оказался проворнее.

КЛИЧКИ

Старый Лорд — облезлый, но гордый пес, который когда-то
принадлежал профессору, — лежал на крыльце и наблюдал за суетой.

Рядом, почесывая бок, примостился Лысый. Это был местный авторитет, бывший боксер,
который потерял волосы после неудачной аварии, но не
потерял хватку.

— Дрон, ты опять свои железки таскаешь? — пробасил Лысый, глядя, как паренек с
вечно перепачканными в масле руками волочет
старый системный блок.

Дрон лишь отмахнулся. Его прозвали так за то, что он мог часами
сидеть неподвижно, уставившись в монитор, как зависший в воздухе
аппарат.

На скамейке, как всегда, ворковали Маняня и Манюня. Две
10

На скамейке, как всегда, ворковали Маняня и Манюня.

Н

Дв а

е строение жить

неразлучные подружки, которые всегда одевались в розовое и постоянно
жевали жвачку. Их голоса сливались в один бесконечный поток сплетен.

— О, Баран идет! — хихикнула Маняня.

К ним, упрямо опустив голову, шел Диман. Его прозвали Бараном за
то, что если он что-то решил, переубедить его было невозможно. Рядом с
ним семенил Малыш — самый высокий парень в районе, чье прозвище
было ироничной насмешкой над его двухметровым ростом.

В углу двора, у гаражей, раздался звонкий смех. Это Кнопа —
крошечная девчонка с огромными глазами — пыталась поймать Бондика.
Бондик был местным сорванцом, который вечно попадал в переделки, как
тот самый агент 007, только в масштабах детской площадки.

— Чиник, не лезь в лужу! — крикнул Карась, вытирая руки о штаны.

Карась был рыбаком до мозга костей, даже в асфальте умудрялся искать
«клевые места». Чиник, маленький мальчик, который вечно что-то чинил
— от сломанных игрушек до соседских велосипедов, — послушно
отступил.

Вдруг из-за угла выскочил Ушак. Его огромные оттопыренные уши
ловили каждый шорох в радиусе километра.

— Виля идет! — крикнул он.

Виля, местный стилига, который всегда вилял бедрами и умудрялся
выкрутиться из любой ситуации, появился в проходе, поправляя воротник.

— А где Лис? — спросил Бычок, мощный парень с бычьей шеей, который всегда стоял
на страже спокойствия.

— Луиз его позвал, — ответил Репей.

Репей был человеком, который «прилипал» к любой компании и знал
всё обо всех. Луиз — загадочный парень с французскими манерами, который непонятно
как оказался в этом дворе, — всегда держал Лиса при

себе. Лис был хитрым, рыжим и всегда знал, где достать лучшие семечки в районе.

— А Коча? — спросил кто-то из толпы.

— Коча спит, — отозвался Лысый. — Он сегодня всю ночь капусту на рынке разгружал.

Двор затих. Солнце садилось, окрашивая серые стены в золотой цвет.

Здесь, среди Баранов, Карасей и Лысых, каждый был на своем месте. Это была странная, шумная, но удивительно дружная семья, где клички значили гораздо больше, чем просто имена.

Лорд поднял голову, зевнул и закрыл глаза. Завтра будет новый день, и каждый из них снова выйдет на свою «смену» в этом маленьком, уютном мире.

ДВЕ ШАПКИ

Завод ЖБИ жил своей привычной, гулкой жизнью. Здесь всегда пахло сырой цементной пылью, мазутом и дешевым табаком. В огромном цеху, где под потолком медленно ползали мостовые краны, люди казались мелкими муравьями, суетящимися среди бетонных форм.

11

Настроение жить 1

Петрович, старый крановщик с вечно красными от недосыпа глазами, сидел в своей кабине, глядя вниз. Внизу, у ворот, крутился рыжий пес —

местный бродяга, который уже неделю ошивался возле столовой.

— Иди сюда, дурачок, — пробормотал Петрович, доставая из кармана засаленной куртки кусок пирожка с ливером.

Пес, почуяв запах, недоверчиво дернул ухом, но голод взял свое. Он осторожно подошел к открытым воротам цеха. Петрович спустился по лестнице, причмокивая губами. Собака, виляя хвостом, подошла ближе. В этот момент из тени вышел второй рабочий, молодой парень с пустыми глазами. В руках у него был тонкий, прочный кожаный ремень.

Все произошло буднично, без лишней суеты. Петрович ловко накинул петлю на шею пса, пока тот жадно жевал брошенный пирожок.

Собака даже не успела взвизгнуть — ее рывком подтянули к крюку тельфера.

— Давай, — коротко бросил Петрович.

Парень нажал кнопку. Стальной трос натянулся, как струна. Пес дернулся, захрипел, но хватка была мертвой. Через пару минут все стихло. Петрович отвернулся, закуривая папиросу, глядя, как в дальнем углу цеха, за штабелями плит, начинается «работа».

12

Настроение жить I

Там, на бетонном полу, лежал расстеленный кусок брезента. Парень, не теряя времени, сделал аккуратный надрез на лапе. В ход пошел шланг

с компрессора, который обычно использовали для продувки форм.

Сжатый воздух с шипением ворвался под кожу. Шкурка надулась, натянулась, отделяясь от мышц с влажным хлюпающим звуком. Еще пара

движений ножом, и туша, освобожденная от своего «пальто», вывалилась на брезент, как из чехла.

— Чисто, — сказал парень, вытирая руки ветошью.

Петрович подошел, оценивающе потрогал мех. Густой, зимний, с хорошим подшерстком.

— Две шапки выйдет, — кивнул он. — Если с умом кроить.

Вечером, в подсобке, они уже всю работу сделали. На столе лежали куски старой, потертой замши — остатки списанной куртки сварщика.

Это была идеальная основа: прочная, не продуваемая. Мех пришивали к замшевым вставкам, ловко маскируя швы.

— На рынке за такую триста, а то и четыреста рублей дадут, —

13

— На рынке за такую триста, а то и четыреста рублей дадут, На

— строение жить I

рассуждал Петрович, натягивая готовую шапку на болванку. — Люди сейчас бедные, им тепло нужно, а не вопросы задавать.

За окном цеха выл ветер, заметая снегом бетонные плиты. Завод ЖБИ продолжал гудеть, перемалывая в своих жерновах жизни — и людей, и тех, кто просто хотел поесть пирожка.

ПУТЕШЕСТВИЕ СЛОНА В ЖОПУ ТАРАКАНА

Пролог

Слон по имени Борис был не таким, как все. В то время как его сородичи в саванне обсуждали погоду, качество арахиса и миграционные маршруты, Бориса терзали экзистенциальные вопросы. «Что есть реальность? — думал он, задумчиво шевеля хоботом. — И что находится за её пределами?»

Однажды, медитируя у пересохшего ручья, он встретил Таракана по имени Геннадий. Геннадий был прожжённым циником и философом-постмодернистом.

Он повидал всё: от кухонных крошек до ядерной зимы (в его воображении).

— Ищешь смысл, гигант? — проскрипел Геннадий, пошевелив усиками. — Смысл не снаружи. Он внутри.

— Внутри чего? — спросил Борис.

— Внутри всего. И всех, — загадочно ответил Геннадий и, развернувшись, продемонстрировал свой хитиновый зад. — Величайшие

тайны Вселенной скрыты в самых неожиданных местах. Например, там.

Для Бориса это было откровением. Знак свыше. Он понял, что его великое путешествие, его одиссея духа, лежит через этот крошечный, тёмный портал.

Глава 1: Уменьшение и Проникновение

Проблема была очевидна: несоответствие размеров. Но Борис был слоном целеустремлённым. Он обратился к старому шаману-сурику, который за три мешка отборных термитов согласился провести ритуал квантового сжатия.

— Ты уверен, Борис? — спросил сурикат, размахивая сушёной лапкой антилопы. — Пути микрокосмоса неисповедимы.

— Я готов, — твёрдо ответил Слон.

Под звуки бубна и бормотание древних заклинаний Борис начал сжиматься. Саванна росла вокруг него, травинки превращались в небоскрёбы, а муравьи — в бронепоезда. Наконец, он стал размером с пылинку. Геннадий, терпеливо ждавший неподалёку, казался теперь титаническим космическим кораблём.

— Ну, не тяни, — пророкотал голос Таракана, подобный грому. — У меня дела. Нужно успеть на распродажу заплесневелой корочки хлеба. Собрав всю свою волю в кулак, микро-Борис сделал шаг. Он вошёл.

14

Настроение жить¹

Глава 2: Хитиновые Пещеры и Метановые Реки

Внутри было... неожиданно. Пространство оказалось не таким тесным, как он предполагал. Стены, состоящие из переливающегося хитина,

уходили

в

бесконечную

даль,

подсвеченные

тусклым

биолюминесцентным светом. Воздух был густым и пах метаном и несбывшимися надеждами.

Борис шёл по извилистым тоннелям, которые вели то вверх, то вниз.

Он переправлялся через бурлящие реки пищеварительных соков и

взбирался на горы из непереваренных крошек. Это был странный, но по-своему прекрасный мир.

В одной из пещер он наткнулся на цивилизацию кишечных палочек.

Они построили крошечные города, поклонялись Великому Геннадию и

вели философские споры о природе внешнего мира

— Никакого внешнего мира нет! — утверждал их верховный жрец.

— Есть только вечный цикл Поглощения и Выделения! Всё остальное — ересь!

15

Настроение жить¹

Борис пытался рассказать им о саванне, о солнце и звёздах, но они

лишь смеялись над ним, называя его «фантазёром из верхних протоков».

Он понял, что у каждой вселенной свои законы и свои боги.

Глава 3: Сердце Тьмы и Великое Прозрение

Продолжая свой путь, Борис добрался до самого центра — к нервному узлу, который отвечал за... ну, за всё это. Это было пульсирующее средоточие инстинктов и желаний Геннадия. Здесь витали его

мысли:

«Крошка...

Опасность...

Тень...

Ещё

крошка...

Спрятаться...»

Именно здесь, в этом примитивном, но честном потоке сознания, Борис обрёл просветление. Он понял, что вся его сложная философия, его

поиски смысла, его экзистенциальные терзания — всё это лишь

усложнение простого. Жизнь — это череда простых импульсов: найти

еду, избежать опасности, продолжить род. Всё остальное — лишь

надстройка, которую такие, как он, возводят, чтобы не сойти с ума от скуки.

Вселенная не была ни доброй, ни злой. Она просто была. И

величайшая мудрость заключалась не в том, чтобы найти в ней сложный

смысл, а в том, чтобы принять её первозданную простоту.

Эпилог

С новыми знаниями Борис отправился к выходу. Процесс был, скажем так, стремительным и сопровождался характерным звуком.

Оказавшись снова в саванне, он медленно вернулся к своему обычному размеру под удивлённые взгляды сородичей.

Геннадий, почувствовав облегчение, деловито отряхнулся.

— Ну как? Нашёл, что искал?

— Да, — ответил Борис, и в его глазах больше не было тоски, а лишь спокойная мудрость. — Спасибо, друг. Я увидел истину.

— Да не за что, — проскрипел Таракан. — С тебя та заплесневелая корочка.

С тех пор Борис стал самым просветлённым слоном в Африке. Он больше не задавал лишних вопросов. Он просто жил, наслаждаясь каждым моментом, каждым глотком воды и каждым арахисом. Иногда, глядя на пробегающего мимо таракана, он загадочно улыбался. Ведь он

побывал там, куда не отваживался заглянуть ни один слон, — в самой глубокой и тёмной заднице мироздания. И вернулся оттуда другим.

ЯЗЫК ПРОИЗВОДСТВА

Старый цех №4 дышал гарью, озоном и вечной усталостью. Здесь воздух был густым, как отработанное масло, и каждое слово имело свой физический вес.

Петрович, мастер с тридцатилетним стажем, чьи руки напоминали узловатые корни дуба, стоял над раскуроченным узлом станка. Рядом, 16 узловатые корни дуба, стоял над раскуроченным узлом станка. Рядом, Настроение жить 1 переминаясь с ноги на ногу, стоял молодой инженер из «белых воротничков» — выпускник с дипломом, который еще пах типографской краской.

— Слушай сюда, — пробасил Петрович, не оборачиваясь. — Дай мне вон ту хуевину, ебни по ней нахуй, и заебень ей вот такую хуйню.

Инженер замер, покраснев до корней волос.

— Петр Иванович, я понимаю, что ситуация критическая, но зачем же так... выражаться? Это же нецензурная лексика!

Петрович медленно выпрямился, вытер промасленной ветошью ладони и посмотрел на парня, как на инопланетянина.

— Сынок, — вздохнул он. — Ты вот собаку слышал? Она гавкает. Ты же не бежишь жаловаться в профсоюз, что она матерится? А это — язык производственный. Точный, как чертеж. «Хуевина» — это деталь номер 4-Б, «ебни» — это значит приложи усилие в три килограмма, «заебень» — это привари. Где ты тут мат увидел? Это инструкция по эксплуатации реальности.

Инженер открыл рот, но Петрович не дал ему вставить слово:

— А вот если я сейчас начну по-твоему... Уважаемый Василий Васильевич, не сообразовали ли вы подать мне сей прелестный молоточек, дабы я мог с нежностью прикоснуться к этой металлической конструкции? Вот это — настоящий мат. Это издевательство над здравым смыслом, это оскорбление металла и времени. Это «вывернутый» мат, от которого станки ломаются быстрее, чем от ржавчины.

В этот момент из глубины цеха, от сварочного поста, донесся крик

бригадира, который увидел, что новенькие рабочие навалили гору бракованных деталей.

Бригадир, человек с голосом паровозного гудка, подскочил к куче и выдал тираду, которая в местной акустике прозвучала как симфония:

— Нахуя дохуя нахуярили?! Разхуяривай нахуй!

17

Настроение жить¹

Это не было руганью. Это была производственная поэзия. В этих словах читалось: «Коллеги, вы допустили избыточное количество ошибок в расчетах, пожалуйста, демонтируйте конструкцию и приведите её в исходное состояние».

Инженер вдруг замолчал. Он посмотрел на «хуевину», на молоток, на бригадира, который уже начал ритмично «разхуяривать» брак, и вдруг понял: здесь, в цеху, каждое слово — это инструмент. И если убрать из него «мат», то станки просто встанут, потому что вежливые слова не могут передать того напряжения, которое нужно, чтобы заставить металл работать.

— Понял? — спросил Петрович, протягивая руку. — Давай хуевину. И инженер, сам того не замечая, подал нужную деталь. Он больше не слышал мата. Он слышал работу.

В САМОЛЕТЕ ПОКУРИТЬ

Воздух в салоне был сухим и пах кондиционированным озоном.

18

Воздух в салоне был сухим и пах кондиционированным озон Н
ома.строение жить¹

Самолет мерно гудел, разрезая ночную тьму где-то над Атлантикой. Мы летели уже шестой час, и нервы были на пределе.

Я толкнул локтем соседа. Тот, с красными от недосыпа глазами, уставился на меня.

— Слушай, — прошептал я, — я больше не могу. Если не покурю, я просто разнесу этот салон.

— Ты с ума сошел? — он кивнул на табличку «No Smoking», которая светилась холодным красным светом. — Нас в наручниках в аэропорту встретят.

Я не ответил. Дождавшись, когда стюардесса в безупречной форме пройдет мимо, я нажал кнопку вызова. Она подошла почти сразу, с той самой профессиональной, слегка отстраненной улыбкой.

— Чем могу помочь? — тихо спросила она.

Я посмотрел ей прямо в глаза. В них не было страха, только усталость. Я сунул руку в карман, нащупал пачку и зажигалку, и, понизив голос до минимума, сказал:

— Послушайте. Мы летим уже вечность. У меня сейчас случится приступ. Есть какой-то способ? Мы заплатим. Любые деньги.

Она замерла. Секунду она смотрела на нас, оценивая, а потом её взгляд скользнул к аварийному выходу в середине салона. Она вздохнула, поправила пилотку и наклонилась ближе.

— Через пять минут я буду проверять герметичность люка в хвосте,

— прошептала она. — У вас будет ровно три минуты. Если сработает датчик — я вас не знаю.

Она развернулась и ушла, даже не дождавшись благодарности.

Через пять минут мы уже стояли у аварийного выхода. Она приоткрыла люк, впуская внутрь ледяной, свистящий поток воздуха, и кивнула нам.

— Быстро.

19

Настроение жить I

Мы выбрались наружу. Ветер был такой силы, что едва не сбил с ног, но мы, вцепившись в поручни, выбрались на широкое, холодное крыло.

Самолет дрожал под ногами, внизу расстилалась бездна, усеянная редкими огнями далеких городов.

Я дрожащими руками достал сигарету. Чиркнул зажигалкой — пламя тут же погасло. Пришлось прикрывать его ладонями, сгруппировавшись у самого фюзеляжа.

Первая затяжка ударила в голову, как выстрел. Никотин, смешанный с ледяным воздухом, показался самым вкусным, что я пробовал в жизни. Мы сидели на крыле, прижавшись спинами к обшивке, и смотрели, как дым мгновенно уносится в темноту, растворяясь в облаках.

— Это безумие, — прокричал сосед, перекрывая гул двигателей.

— Это свобода, — ответил я, глядя на звезды, которые здесь, на высоте десяти тысяч метров, казались огромными и пугающе близкими.

Мы курили, чувствуя себя королями мира, запертыми в стальной птице. Где-то там, внутри, стюардесса делала вид, что ничего не

20
птице. Где-то там, внутри, стюардесса делала вид, что ничего Н
н а

е строение жить I

происходит, а мы сидели на краю пропасти, наслаждаясь каждой секундой этого запретного, опасного полета.

Когда мы вернулись в салон, она даже не взглянула на нас. Просто прошла мимо, едва заметно кивнув, и в её глазах на мгновение промелькнуло что-то похожее на понимание. Или, может, она просто знала, что иногда человеку нужно выйти за пределы, чтобы не сойти с ума.

НАСТРОЕНИЕ ЖИТЬ

Кошмар. Тихий ужас. Я клепаю электронные книги, как бабка на кухне печет пирожки. Технология освоена. Конвейер запущен. Я — прогрессивный книгоизготовитель. До книготорговца мне, конечно, как до Марса. А до писателя... ну, не мне о себе судить. Но процедура создания сборников стала понятна, в ней все меньше загадок. Я — молодчина. Чего мне эта наука стоила, знаю только я.

Сегодня опубликовал «Неидеальный мир». Сборник, который родился почти без моего участия. Писалось «левой ногой», на удивление ускоренно. Приходил, набрасывал в редактор спонтанные мысли, тут же скармливал их нейросети. «Сделай из этого связный текст, добавь метафор, углуби образ». И она углубляла. Потом — иллюстрация.

«Сгенерируй обложку: одинокий человек на фоне разрушенного города, неоновые огни, дождь, стиль киберпанк-нуар». И она генерировала.

Кстати, иллюстрация — сильная вещь. Она мотивирует, дает законченный образ.

Немного

эти

ИИ-картинки

мрачноваты,

В

голливудском стиле, но иных нет, и потому пойдет. Совсем недавно я был ярким противником таких «фотографий», плевался, кричал про бездушность. А потом привык. Даже стали нравиться. Особенно когда других нет.

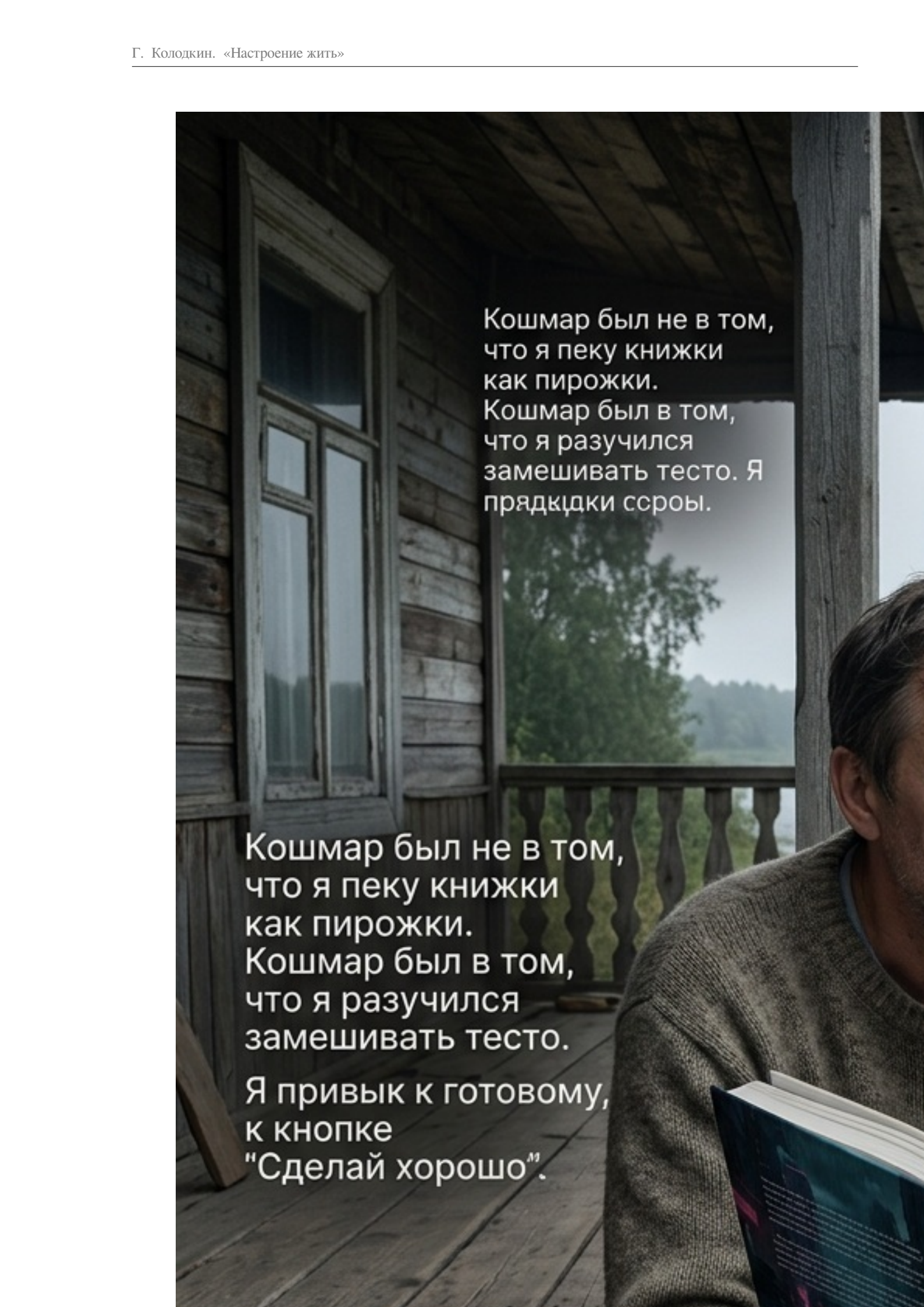
Главное, я работаю. Творчески и энергично. За свое настроение и тонус мне приятно: я занят созидательным трудом, я при настоящем деле. Спасибо, ИИ. Он меня по-настоящему оживил.

Конечно, бывают «терки». Вчера, например, он отказался генерировать образ старика, сидящего на развалинах храма. «Сцена может быть воспринята как оскорбительная или депрессивная», — выдал он своим безликим шрифтом. Я полчаса с ним спорил, переформулировал запрос, пока он не сдался и не выдал мне глянцевого деда на фоне чего-то, больше похожего на декорации к блокбастеру. Рабочие моменты. Мы эти разногласия утрясем. Устаканим. Мелочи жизни.

Главное — есть настроение жить. Дышать полной грудью. Смотреть вперед.

Кстати, завтра наконец-то уезжаю за Волгу. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Свобода, творчество и природа — лучшее, что нужно мыслящему человеку.

21

A photograph of a man with grey hair, wearing a grey sweater, sitting on a wooden porch and reading a book. The porch has a wooden railing and a large window with multiple panes. The background shows a lush green landscape with trees and hills under a cloudy sky. The text is overlaid on the image in two blocks: one in the upper right and one in the lower left.

Кошмар был не в том,
что я пеку книжки
как пирожки.
Кошмар был в том,
что я разучился
замешивать тесто. Я
прадкѣдки ссры.

Кошмар был не в том,
что я пеку книжки
как пирожки.
Кошмар был в том,
что я разучился
замешивать тесто.
Я привык к готовому,
к кнопке
"Сделай хорошо".

Настроение жить 1

Утро встретило меня серой пеленой. Я бросил в багажник старенькой «Нивы» рюкзак, удочки и ноутбук. Последний — по привычке. Вряд ли он мне там понадобится.

Дорога была долгой и пустой. Мелькали поля, перелески, заброшенные деревни с пустыми глазницами окон. Я опустил стекло, и в

салон ворвался влажный, пахнувший землей и травой воздух. Настоящий.

Несгенерированный. Я улыбнулся. Вот она, жизнь.

Дом на берегу встретил меня скрипом калитки и запахом яблок. Я растопил печь, поставил чайник. Тишина звенела в ушах после городского гула. Я вышел на крыльцо, сел на старую ступеньку и посмотрел на воду.

Волга была огромной, серой и живой. Она дышала.

Вечером, сидя у огня, я вдруг почувствовал странное беспокойство.

Руки сами потянулись к ноутбуку. Открыл. Сети здесь не было, но текстовый редактор работал. Я устался на мигающий курсор. Пустота. Мысли, которые в городе роились, как пчелы, здесь разлетелись, оставив после себя гулкую тишину.

22

Настроение жить 1

«Напиши о реке», — приказал я себе.

Я попробовал. «Вода была холодная и...» И что? Какая она? Я не мог подобрать слов. Все, что приходило в голову, казалось плоским, уже виденным на тысячах сгенерированных картинок. «Величественная река под свинцовым небом». Банально. Дешево.

Я закрыл ноутбук и пошел к воде. Потрогал ее. Ледяная. Пахнет тиной и рыбой. На том берегу мерцал одинокий огонек. Я стоял долго, впитывая эту ночь, этот холод, это одиночество. Вернулся в дом, снова открыл редактор.

«Река пахла вечностью и смертью. Ее холод пробирал до костей, обещая не покой, а забвение. Огонек на том берегу был не надеждой, а лишь точкой в бесконечном предложении мрака».

Строчки

были

корявыми,

неуклюжими.

Я

попытался

их

отредактировать, но пальцы застыли над клавиатурой. В голове навязчиво звучал голос — не мой, а тот, синтетический, услужливый: «Этот текст слишком мрачный. Хотите, я сделаю его более позитивным и вдохновляющим?»

Я вздрогнул. Мне захотелось подключиться к сети, отдать ему этот абзац, чтобы он сделал его гладким, красивым, правильным. Чтобы сгенерировал к нему картинку — лодку в тумане, рыбака с мудрым лицом. Чтобы закончил за меня.

Рука сама потянулась к телефону — поискать сеть.

И тут я понял.

23

Настроение жить¹

Кошмар был не в том, что я клепаю книги, как пирожки. Кошмар был в том, что я разучился месить тесто. Я забыл, каково это — чувствовать муку под пальцами, подбирать пропорции, ждать, пока поднимется опара. Я привык к готовому продукту, к кнопке «Сделать хорошо».

Этот «неидеальный мир», который я сегодня опубликовал, был не моим. Он был собран из чужих мыслей, отшлифован алгоритмом и украшен чужими, пусть и красивыми, снами. А мой собственный неидеальный мир — вот он, здесь. В скрипучих половицах, в запахе дыма, в корявых строчках, которые я не могу написать.

Я захлопнул ноутбук с такой силой, что он клацнул зубами. Вышел на крыльцо. Ночь стала еще темнее, Волга дышала глубже.

Свобода, творчество и природа. Я приехал за ними, но привез с собой клетку. И ключ от нее был не у меня. Он остался там, в городе, в мерцающем окне диалога с моим услужливым соавтором.

«Мы с ним все утрясем», — вспомнил я свои слова и усмехнулся.

Кажется, он уже все утряс. Без меня.

24

Настроение жить¹

Но пасаран! А то! Вот и я так же думаю. Только теперь эта фраза звучала не как боевой клич, а как заклинание. Попытка убедить самого себя, что я еще могу сражаться.

Завтра я не открою ноутбук. Я возьму удочку. И буду просто смотреть на поплавок. Может быть, тогда ко мне вернутся мои собственные слова. Неидеальные. Живые.

ТРУД. МИР. МАЙ!

В кабинете парткома пахло пылью, дешевым табаком и безнадежностью. Петров стоял перед столом председателя, глядя на свои руки — обычные руки рабочего человека, привыкшие к станку, а не к ношению тяжелых фанерных ликов власти.

— Петров, — председатель даже не поднял глаз от бумаг, — понесешь на демонстрацию портрет Брежнева.

Петров вздохнул, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение.

— А почему я, Иван Степанович? Вон, Сидоров здоровее, пусть он и несет.

Председатель медленно поднял голову. В его глазах читалась усталость человека, который знает все слабые места своих подчиненных.

— Ты ведь квартиру ждешь, Петров? Пятый год в очереди. Ну вот, понесешь — может, и очередь быстрее пойдет.

Петров промолчал. Квартира была его личным «святым граалем». Он понес. Тяжелый, громоздкий портрет Леонида Ильича с густыми бровями давил на плечо, но Петров терпел, представляя себе ключи от новой «двушки».

Прошел год. Снова кабинет, снова тот же запах.

— Петров, понесешь на демонстрацию портрет Черненко.

Петров дернулся, как от удара током.

— Опять я? Почему я-то? У нас что, других людей нет?

Председатель поправил очки и многозначительно постучал пальцем

по папке.

— Ты ведь машину ждешь, Петров. «Жигули» шестой модели.

Хочешь ездить на дачу с комфортом? Неси.

Петров понес. Черненко был легче Брежнева, но идти было труднее

— в воздухе висело странное предчувствие, что эпохи меняются быстрее, чем он успевает накопить на запчасти.

Еще через некоторое время — снова вызов.

— Петров, понесешь Андропова. Ты ведь дачу ждешь. Шесть соток, грядки, все дела.

Петров уже не спорил. Он просто взял портрет. Он понял правила

игры: каждый портрет — это ступенька к мечте, которая всегда была на

расстоянии вытянутой руки, но постоянно ускользала. Он нес Андропова, и ему казалось,

что он несет не просто изображение генсека, а тяжелый

груз своих несбывшихся надежд.

25

Настроение жить¹

Прошло еще время. Петров зашел в кабинет уже без приглашения.

Он выглядел постаревшим, но в глазах появилось странное, почти пугающее спокойствие.

— Петров, — председатель даже не удивился, — Горбачева понесешь.

Петров посмотрел на портрет, прислоненный к стене. Лицо было молодым, с тем самым пятном на лбу. Петров усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого гнева.

— Почему я? — спросил он, уже зная ответ.

Председатель откинулся на спинку стула и впервые за все годы искренне улыбнулся — как-то криво и горько.

— А у тебя, Петров, рука легкая. Ты кого ни понесешь — тот сразу... того. А нам сейчас перемены нужны.

Петров взял портрет. Он был совсем легким, почти невесомым. Он вышел на площадь, где толпа гудела, как растревоженный улей. Петров

26

Петров

вышел на площадь, где толпа гудела, как растревоженный улей. ПетрН

о а

в строение жить¹

шел, высоко подняв Горбачева, и думал о том, что квартира, машина и дача — это такая мелочь по сравнению с тем, что он теперь стал «вершителем судеб».

Он шел, и ему казалось, что с каждым его шагом история делает очередной резкий поворот, а он, простой Петров, просто несет свою ношу, надеясь, что в этот раз она не станет последней.

НИКАКОЙ ВЕЧНОСТИ

Приятель по кличке Репей прислал мне ссылку на обновленную версию «Плодов несбывшихся надежд». ИИ-ремастеринг, кристально чистый звук, вычищенные шумы, голос, звучащий так, будто он записан сегодня утром в студии, а не в подвале в 1985-м.

Я послушал. Трижды. И написал ему честно: «Это музыкальный труп, Репей. Ты его набальзамировал, нарядил в цифровой костюм, но он не дышит. Он мертв».

Он обиделся. Замолчал, как будто я ударил его по лицу. А я ведь просто констатировал факт: песня умерла вместе с той страной, для которой она писалась. Тексты про «отсутствие Аллаха и Христа» сегодня звучат как попытка объяснить современному подростку, как пользоваться дисковым телефоном. Это не просто неактуально — это вызывает недоумение. Это артефакт, который должен лежать в музее под стеклом, а не пытаться бегать по стриминговым сервисам, притворяясь живым. Репей пытается увековечить себя. Он строит мавзолей из байтов и алгоритмов. Он думает, что если он «оцифрует» свое прошлое, то оно обретет бессмертие. Но он не понимает главного: память человечества — это не жесткий диск. Это живой организм, который постоянно сбрасывает кожу. Чтобы появилось место для нового, старое должно сгнить. Это закон природы. Мы — лишь эхо, которое затихает через секунду после того, как звук был издан. Пытаться законсервировать эхо — занятие для безумцев.

Я смотрю на Репья и вижу человека, который добровольно роет себе могилу, а потом пытается украсить ее гирляндами. Он копается в своем творческом хламе, как старьевщик на помойке, выискивая там «смыслы», которые давно превратились в труху. Он боится пустоты, боится того, что после его ухода не останется ничего. И эта его вера в «наследие» — его единственная опора.

А я — я для него как палач. Я прихожу и говорю: «Смотри, твоя вера — это миф. Твои песни — это прах. Твои надежды на посмертную славу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.